ЖИЗНЬ В ЭПИЗОДАХ

Катерина Шпица

Современная биография

Катерина Шпица

Жизнь в эпизодах

«Издательство АСТ»
2021

УДК 792.071:929(470)
ББК 85.334.3(2)6-8

Шпица К. А.

Жизнь в эпизодах / К. А. Шпица — «Издательство АСТ», 2021 — (Современная биография)

ISBN 978-5-17-137191-3

Катерина Шпица — популярная актриса, известная многим по фильмам «Катя», «Ангел в сердце», «Метро», «Поддубный», «Экипаж», «Завтрак у папы», «Молодая гвардия» и многим другим, финалистка шоу «Танцы со звездами», «Точь-в-точь» и «Ледниковый период». Золотая медалистка школы с углубленным изучением иностранных языков, а с недавних пор — автор потрясающей книги «Жизнь в эпизодах», уже первые страницы которой увлекают нас в красочный мир кино, судьбоносных знакомств, любви и исполнения желаний! Эта книга ДЛЯ ТЕХ, кто хочет быть в курсе жизни любимой актрисы не понаслышке, а из первых уст! Здесь нет придуманных историй. Только факты, изложенные самой Катериной Шпицей без купюр, истории ее личной и киношной жизни, а также — сенсационные ответы на часто задаваемые вопросы: * Где и как рождается настоящий талант? * Как научиться всегда и во всем добиваться поставленной цели? * Как построить счастливый брак? Обо всем этом и многом другом читайте в «шпициальной» книге актрисы. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 792.071:929(470)
ББК 85.334.3(2)6-8

ISBN 978-5-17-137191-3

© Шпица К. А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Вступительные титры 7
Эпизод 1 11
Эпизод 2 14
Эпизод 3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Катерина Шпица
Жизнь в эпизодах

Посвящается Герману – моему первенцу и главному учителю.

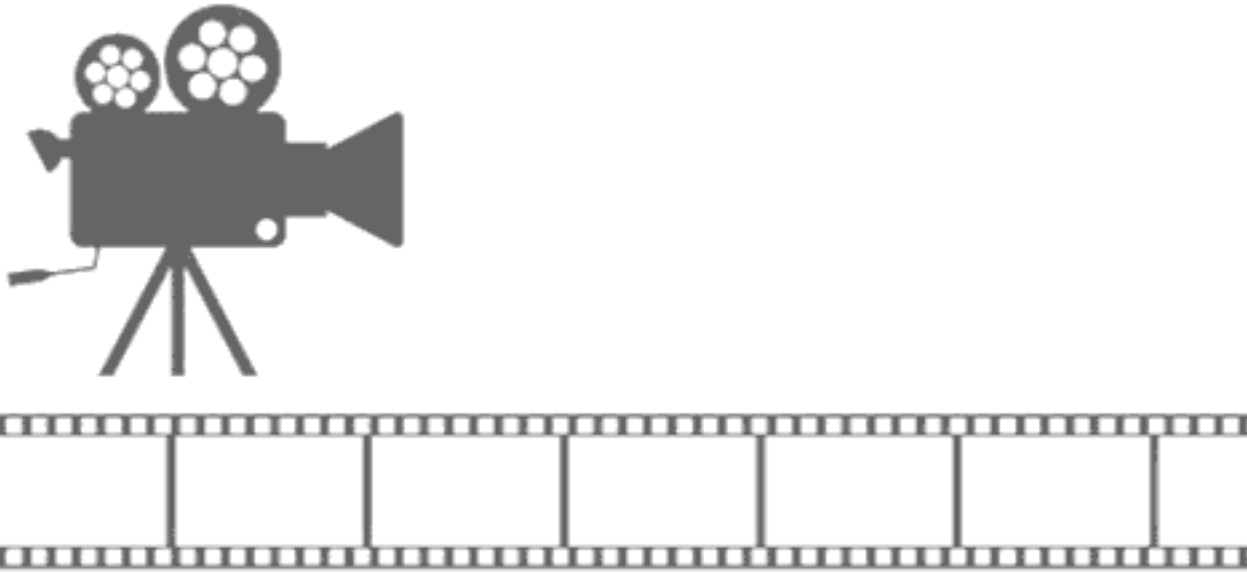
* * *

Все права защищены. Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Мнение автора может не совпадать с мнением издательства и редакции.

© Шпица К., текст, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Вступительные титры



«А не рано ли?» – удивленно поднимали брови некоторые знакомые, когда, отвечая на их вопрос о моих творческих планах, я рассказывала, что собираюсь писать книгу о своей жизни. Им вторили, не выбирая выражений, совершенно незнакомые и оттого куда менее стеснительные подписчики из Инстаграма. И хотя, по моему мнению, это нетактично – без спросу высказывать человеку хоть маломальский скепсис относительно его планов (только если это не прыжок из окна) – я могу их понять. Дело тут, полагаю, не в своевременности, а в моральном праве писать автобиографию. Я сама задавалась много раз одним вопросом настолько беспристрастно, насколько это вообще возможно по отношению к собственной персоне. Он первым возник в моей голове, когда издательство предложило мне сотрудничество: «Да кто я такая, чтобы писать книгу о себе?» Потом со стороны въедливого самосознания поступили уточняющие вопросы, чтобы ответчица – то есть я – покрепче призадумалась: «А хватает ли моих заслуг в профессиональной сфере, чтобы вещать о пути к успеху?», «А достаточно ли я хороша в глазах общественности как мать, чтобы делиться родительским опытом?», «А не рано ли говорить о плодах моего воспитания, пока сыну всего 9 лет и мы даже не нюхали пороху пубертата?», «Выдала бы я сама себе орден за заслуги в сфере удачных межполовых взаимоотношений?», «Чувствую ли я себя настолько счастливой, чтобы претендовать на звание магистра счастья?» и т. д.

Вопросы продолжали осаждать мой мозг, штурмуя живущие в какой-то из его долей узкую артистическую и широкую человеческую совести. В голове канонадой взрывался попкорн мыслей, и каждое раскрывшееся зерно здравого смысла теснило череп и выдавливало из его внутреннего пространства кислород. На душе от таких допросов с пристрастием светлее и легче не становилось, а желание сесть и написать не пропадало. В итоге для решения вопроса – «писать или не писать?» – я воспользовалась тем же принципом, которым руководствуюсь всю свою жизнь: «Захотела – сделала!» Все самые прекрасные события происходили со мной именно тогда, когда я не думала долго о причинах и следствиях, а поддавалась порыву без зубодробительного целеполагания и рационализации.

Протащив свою совесть по всем инстанциям для получения индульгенции на писательство, я пришла к выводу, что в 35 лет уже можно любить свою жизнь и себя в ней настолько открыто, чтобы позволить себе поделиться своими историями и жизненным опытом с другими

людьми. Даже если вы – тот, кто держит сейчас в руках книгу или пробегает взглядом эту страницу в электронном приложении, – будете единственным человеком, кого мой рассказ вдохновит, мой труд уже будет ненапрасным! Хотя зачем кокетничать? Я девушка амбициозная и люблю быть полезной, поэтому очень надеюсь, что как можно больше людей найдут для себя удовольствие в более близком знакомстве со мной.

Слово – один из моих главных инструментов. И это не о репликах в спектакле или кино. Довольно часто я испытываю некие неудобства из-за своей внешности. Да-да! На вид я – хрупкое и милое, безобидное существо, вечная девочка. Но первое бессловесное впечатление не мой конек. Моя сила – в откровенном разговоре, благодаря которому человек напротив меня узнает. Я лабрадор в теле чихуахуа или, наверное, лучше сказать, в теле шпица, ведь у меня такая фамилия, что грех не пошутить, да? (Кстати, в мои школьные годы эта порода собак была еще неизвестна и по сей день единственной кличкой в ходу у моих друзей остается моя фамилия без каких-либо ассоциаций с собаками.) Как раз от несоответствия внешности и внутреннего содержания иногда мне приходится страдать, причем на разных уровнях: и бытовом, и творческом.

Если бы не известность, мне на кассе супермаркета не продавали бы без паспорта то, что без него не продается. Помню, на позднем сроке беременности я возникла пред лицом кассира с большим животом и бутылкой вина. Мой гинеколог посоветовала при тонусе матки, который случался в последнем триместре, выпивать перед сном 50 миллилитров красного сухого, и я пришла в магазин за «медикаментами». Продавщица потребовала паспорт. Я ей говорю: «Усы, лапы и хвост – вот мои доку́менты!»[1], имея в виду свой живот, которой явно не от переедания. Ответ был в духе: «Этим вы дома можете заниматься». Раз в столетку меня не узнали в магазине, где я завсегдатай.

Недавно во дворе нашего жилого комплекса мальчишки, задорно матерясь и бравируя подступающим взрослением, пытались вовлечь меня в свои подростковые межгендерные догонялки, легонько ущипнув за спину. Придав своему сопрано максимального баса, на который способна, стоя перед ними во весь свой 160-сантиметровый рост в кепке, солнечных очках, в шортах российского 40-го размера и сандалиях 36-го, я попыталась задавить юношей авторитетом: «Молодые люди, ну вы бы хоть при взрослых матюки попридержали!» А в ответ: «Ой, простите, мы не знали, что вы взрослая». Хорошо, что ущипнули не за попу, а то бы совсем сконфузились.

Бывало, что в очереди на кассе магазина особо нетерпеливые меня шпыняли: «Девочка, давай быстрее». Кстати, не могу не заметить, как часто чувствуется пренебрежение к детям и подросткам со стороны взрослых. Побывав на их месте засланным казачком, ответственно заявляю: «Младших тоже надо уважать!» Как на паспортном контроле! Там меня однажды очень вежливо и ласково при приближении к окошку спросили: «Девушка, с кем вы летите?» Я молча уставилась на вопрошающую даму, соображая, надо ли перечислять моих спутников – членов съемочной группы. Сотрудница добавила: «Где ваши родители? Проход для семейных групп в соседнем окне». Потом мы дружно хохотали, когда я подошла поближе и меня наконец узнали.

Мне крайне повезло, что люди, как правило, меня узнают и в очередях в магазине, и на почте, и на паспортном контроле, поэтому имеют примерное представление о моем возрасте, а значит, мы можем применять в общении друг с другом подходящий поколенческий код. А как бы мне жилось, не будь у меня этой визитной карточки – известности? Очень интересно представить, через какое количество предубеждений пришлось бы пробиваться. Вот так и живу.

Во всех ситуациях, когда моя внешность приводила к недоразумениям, единственное, что расставляло все на свои места, – речь. Жаль, что это так не работает в кино. Внешний

[1] Из мультфильма «Трое из Простоквашино».

образ имеет огромное значение, и никакое образование и высокие мысли не позволят мне сыграть, образно выражаясь, баскетболистку в составе победоносной сборной. Вряд ли с помощью ролей, за которые я берусь, можно полноценно понять мое внутреннее нутро. Многое из того, что я бы хотела сыграть, мне попросту недоступно в силу внешности. Но, конечно же, чтобы быть счастливым, надо не жалеть о том, чего нет, а ценить то, что есть. так и поступаю. Все сыгранные мной роли я очень люблю, но, призна́юсь, мне этого мало. И именно недостаток самовыражения в кино движет мною при принятии многих творческих решений. Я реализую себя в разных сопутствующих актерству направлениях: пою и танцую, читаю стихи в поэтических проектах, с удовольствием даю мастер-классы и провожу встречи с детьми, на карантине записывала сказки для отдельного аккаунта, озвучила недавно аудиокниги, а также склонна вписываться в любые интересные околотворческие авантюры.

Я люблю трудные задачи. Писать книгу, касающуюся собственной биографии, хорошо, когда ты уже зрелый человек и твои поступки заимели даже самые отдаленные последствия, а события жизни стали подтверждением некогда высказанных постулатов. Легко говорить об итогах, а ты попробуй обнажить процесс. Мне будет интересно перечитать свою книгу лет через 10 и понять, насколько я была права. К тому же я планирую в процессе дать себе несколько обещаний, которые придется сдержать. Написать книгу в 35 – хороший способ не отклоняться от курса.

Рассказывать буду правдиво, но не могу обещать исчерпывающего объема истины. Сразу должна предупредить, что оборвавшиеся любовные истории в деталях по полочкам раскладывать не стану, потому что фактическая информация неминуемо касается других людей. Даже годы спустя все это может вызвать ненужные кривотолки, возможно, даже испортить кому-нибудь жизнь, так как сухие факты чреваты чужой интерпретацией. Они ложатся на образ человека тенью, глубина и силуэт которой зависят от того, с какой стороны и как близко поднести источник света. Не хочу уродовать силуэты теней прошлого и делать лишний вклад в осуждение кого-либо, в том числе и себя самой.

Я заметила, что у правды о личной жизни есть особенности: она требует деликатности в обращении и имеет срок годности. В отличие от пищи, чем она старше, тем годнее. Свежая правда имеет примеси бурных эмоций, а выстоявшаяся – фильтруется опытом. А еще почему-то ее охотнее воспринимают от людей пожилых и еще лучше – от умерших. Даже их ошибки романтизируются. Прочитанное в мемуарах почивших – легенда, а сказанное с пылу с жару ныне здравствующими становится сводкой из желтой прессы. Рассказ о былом любовном треугольнике со страниц книги того, чьи окна уже смотрят на закат, воспринимается как глубокая любовная драма, а то же самое, поведанное по горячим следам участниками событий, пребывающими в расцвете сил, отдает в глазах людей пошлостью, часто таковой и не являясь. Послевкусие правды будто не для современников. Поэтому я воздержусь от разоблачений.

Факты из биографии, как слова из песни – не выкинешь, а вот люди взрослеют, учатся у «сына ошибок трудных»[2], меняются со временем. И порой того, кого хотел когда-то ударить в сердцах за причиненную боль, годы спустя захочешь разве что пожалеть, а то и вовсе обнять. К тому же не имею желания, как говорил мой любимый психолог Михаил Литвак, «украшать собой чью-то биографию», равно как и возвеличивать собственную значимость в ваших глазах за счет мужчин, с которыми мне выпадала честь, а порой попутно и «нечисть», побывать рядом. Я в целом, включая сводки с любовного фронта, опущу то, что не имело большого значения для формирования моей личности. Имена тех, кому позволила сделать мне больно, называть не стану, чтоб вы поняли суть, но не думали о персоналиях, ведь когда осознал цену поступка, не важно, кто именно его совершил. Разве что непосредственно субъекты деяний могут узнать самих себя на этих страницах.

[2] «О сколько нам открытий чудных…» А. С. Пушкин.

Дорогая передача, пользуясь случаем, хочу передать привет и благодарность всем, кого так или иначе затронет повествование. Без вас моя жизнь была бы беднее на множество и трудных, и прекрасных мгновений. Итак, хочется – делаю. Потом посмотрим, что из этого получится. Будет ли это кому-то полезно? Обещаю, по крайней мере, несколько наших стопроцентно вкусных семейных кулинарных рецептов. Ну, а если серьезно, я уверена, что мы с вами – людьми разных профессий, верований и взглядов – найдем много общего, потому что законы жизни одни для всех и все мы хотим быть счастливыми. Да, собственная физиология и общество диктуют нам условия и ограничения, те или иные, они есть у каждого. Даже идеальная красота ставит нас в определенные рамки, ведь любой общепризнанный абсолют блага ставит своего обладателя в зависимость от распоряжения им. И, конечно же, никто не застрахован от предрассудков и субъективного восприятия окружающих. Природа дала нам всем инструментарий для счастья. У каждого свои методы и разные причины радоваться, но всем нам это необходимо, хотя бы мимолетно.

Мы, люди, не можем обходиться друг без друга. Судьбы наши взаимозависимы. Одним своим появлением на свет каждый из нас запускает цепную реакцию, вовлекаясь сам и вовлекая других в круговорот жизни. Поэтому гораздо больше я хочу рассказать о людях, без которых меня бы не было ни как единицы в генофонде, ни как творческой личности, нежели о самой себе.

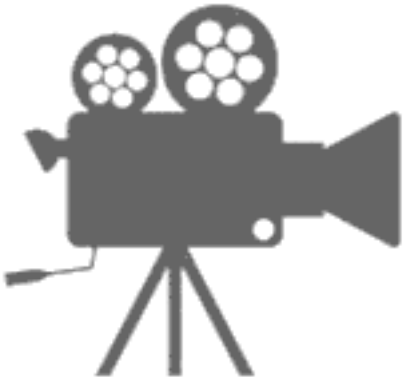
У меня есть еще один вопрос, который нужно решить, но с наскоку не получается. И, быть может, пока я пишу, я как раз найду на него ответ. Я поделюсь с вами ближе к концу, что это за вопрос и к какому выводу я пришла.

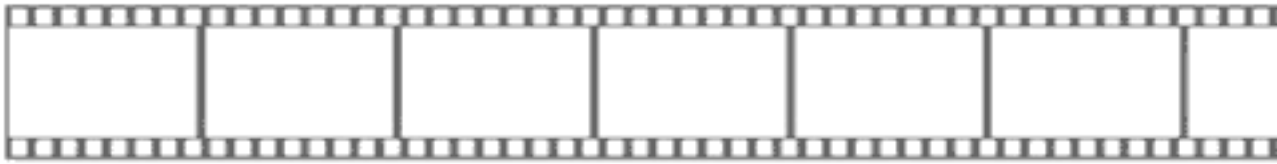
Как насчет эксперимента? Предлагаю совместить исповедь, лекцию, мастер-класс, стендап, книгу рецептов, личный дневник и беллетристический роман под одной обложкой! Я даже подумываю о том, чтобы писать о себе в третьем лице, посмотреть на события со стороны, как в кино, будто я сама умозрительно снимаю автобиографический фильм, извлекая из памяти и облекая в плоть себя и других важных для меня людей из разных периодов жизни. Как пошло́ – поймете уже в следующей главе.

Я приглашаю вас в гости на беседу, художественное чтение и просмотр цикла короткометражек о жизни. Мне пока нельзя пить ничего, кроме воды (это безопасный эксперимент над здоровьем), но вы себе налейте самого любимого чаю. Я больше всего люблю чай с горными травами – лавандой, чабрецом, душицей – и медом вприкуску. А иногда так хочется обычного черного, с лимоном и сахаром, как из школьной столовой, только очень горячего (это у нас семейное по папиной линии). Если бы вы были у меня в гостях, то я бы непременно предложила бы вам чайную церемонию и бутерброд из нарезного батона, сливочного масла и сыра, чтобы стало как можно уютнее и теплее. Располагайтесь и давайте знакомиться. «Пульт» у меня в руках, буду перематывать в разные стороны, но обещаю доходчиво комментировать каждый эпизод.

Пока мы не начали, сердечно благодарю моих любимых мужа и родителей, всех близких друзей и чутких коллег, которые сказали: «Пиши, тебе есть что рассказать». В моей жизни им принадлежат большие роли.

Эпизод 1
Откуда берутся Шпицы





1985 год. Сыктывкар. Аэропорт. Зал ожидания. Вечер. Нетерпеливыми, но подконтрольно медленными, усмиряющими тревогу шагами пространство прорезает молодой мужчина, отсчитывая время своего ожидания. От кресла до окна, от окна до стены и обратно, по лестницам вверх и вниз – он слоняется бесприютно по зданию аэропорта. На улицу не выбегал, потому что не курит. Иначе, может, и выскочил бы ненадолго, толкнув порывисто и нервно стеклянную дверь, а просто воздухом подышать – нет, это слишком далеко от желанного самолета. Даже повернуться спиной к стене, за которой на летном поле стоят авиалайнеры, боязно, как будто это может отсрочить вылет. Обычно разговорчивый и способный завести теплую беседу с любым попутчиком, мужчина сегодня молчалив и погружен в сумбур своих мыслей. В его голове слайд сменяется другим так быстро, что резкость не успеваешь навести, и ни один из них невозможно ухватить, чтобы заземлиться. Слайд, призывающий к действию выпить, голову не посетил, потому что, пусть и нервы, но нет такой привычки – махнуть стопочку. Может, это помогло бы не так психовать из-за приятного, но холодного и оттого очень раздражающего голоса из громкоговорителя, который регулярно выдает все новые и новые объявления, а заветные слова из него никак не раздаются. Анатолий Васильевич Шпица ждет, чтобы невидимая женщина-диспетчер из радиорубки, где вершатся судьбы, наконец-то произнесла: «Началась посадка на рейс Сыктывкар – Пермь».

Мужчина прилетел час назад из Инты, а впереди было еще целых 2 часа до пересадки. Погрузившись в мысли и отчего-то чувствуя сильное волнение вместо радостного предвкушения, он протоптал квадратные метры здания аэропорта вдоль и поперек. Тревожился, будто бы о чем-то уже знал. Хотя складывалось все очень удачно: на шахте пошли навстречу, дали отгулы, в авиакассах на Комсомольской посчастливилось купить билеты на идеально подходящий рейс. И вот теперь оставалось дождаться. Бродя меж будущих авиапопутчиков, Анатолий иногда на миг замирал среди людского муравейника то с серьезным лицом, то с блуждающей улыбкой, искрящейся на кончиках темных с позолотой усов. Окрыленный удивительными чувствами, он трепетно ждал полета.

Молодой, стройный, красивый, больше похожий на кинозвезду, чем на шахтера, – он, непрерывно перемещаясь, включался, как лампочка то тут, то там по всему аэропорту. «Све-

тящийся» мужчина 3 дня тому назад неожиданно стал отцом и теперь спешил в Пермь на выписку из роддома. Перечитывал в уме сфотографированные памятью телеграммы. Первую получил 28 октября: «Ухту не вылетай, Галя попала больницу»[3]. Какое счастье, что она не успела вылететь в Ухту, как они планировали, а то ведь все могло случиться и в самолете. Вторая телеграмма пришла 29-го. Анатолий прочел ее, когда пришел домой с ночной смены. Узкая бумажная полоска, вклеенная в открытку с щекастым зайчонком, со словами «Поздравляем дочкой» так и стояла перед глазами.

Слайд выдернул из головы все тот же голос диктора, который теперь казался самым дружелюбным на свете: «Уважаемые пассажиры…» Это было приглашение на посадку!

С толпой попутчиков прошел в зал вылета. Сна от волнения ни в одном глазу, ладони немного потеют, сжимая ручку наскоро собранной без обычной помощи жены сумки. И вот уже электрический свет в вечернем аэропорту стал казаться очень теплым, гостеприимным, как свет прихожей в доме, куда приятно возвращаться и откуда легко провожают, заботливо попросив присесть на дорожку. Прошло вечных полчаса, и тут громкоговоритель плюнул трещащей нотой новой «песни» – Анатолий всем телом подался к выходу на трап. И как только тело могло так опередить звук… А звучало: «Пермь не принимает, покиньте зал вылета до новых распоряжений». Внутри все оборвалось. Так вот почему он так волновался. Задержку рейса объявили минимум до утра. А ведь утром, максимум днем, Галю надо уже забрать. Оставаться в аэропорту было немыслимо трудно. И Анатолий, стряхнув разочарование и отчаяние с плеч, стал думать, как ему действовать.

В это время, отдав свою новорожденную дочь после вечернего кормления, как полагается, нянечке, которая унесла ее в общую детскую, Галя сидела в палате совершенно одна, неприкаянно озираясь по сторонам и мучаясь вопросом: «Как быть?» На нее с соседних коек смотрели с немым укором завитки свернутых матрасов. Всех выписали еще до полудня. Под окном то и дело раздавались смех и умиление на разный лад, пока поток выписывающихся и встречающих не иссяк. А Галина Федоровна Карповская теперь терзалась в палате, оставшись одна среди этих разноцветных матерчатых улиток, которые отправили в жизненный путь состоявшихся матерей с их детьми – новыми людьми – и отдыхали до следующих. Они будто молча упрекали Галю за то, что она задерживается. Женщина мучилась дилеммой: дожидаться застрявшего в Сыктывкаре мужа или выписаться в срок. Вопросов было много: «Придумает ли он что-то или нет? Почему не принимает Пермь?» И как было странно, что ее выписывают, как обычную родильницу, ведь у Кати явные признаки недоношенности. Еще бы, на месяц с лишним раньше родилась, и никакие внутривенные препараты, которые кололи Гале несколько часов, ее не остановили. И даже кювез не понадобился. Вот и говори после этого, что у 8-месячных низкая выживаемость.

Галя всегда отличалась гиперответственностью и повышенной совестливостью и, как истая комсомолка, не любила попирать справедливые правила (она даже родила в день рождения комсомола!). Но из роддома ее гнал не системный характер. Представить одинокую ночь, когда она и днем-то вздрагивала от каждого плача из далекой детской, Галя не могла. Сердце от этих звуков разрывалось. Как продолжать быть тут, когда уже утром можно будет прижать к груди дочь и никому не отдавать, ни в какие чужие, хоть 300 раз профессиональные руки, а самой оберегать ее недостаточно заросший родничок, пеленать и мыть. И почему только нельзя быть с ребенком в роддоме вместе, кто придумал эти свидания по часам?!

Где-то там в Сыктывкаре Толя с холодной испариной на лбу и с застывшим взглядом светлых серых глаз, обращенным внутрь, пытался изобрести из воздуха осточертевшего аэропорта машину времени и не мог себе представить, как же это он не заберет из роддома дочь,

[3] В телеграммах исключали предлоги.

а Галя – тут в палате не могла представить, как можно было бы добровольно отказаться от воссоединения с дочкой сию минуту и ждать мучительно еще сутки.

Анатолий купил билет до Кирова, прилетел туда, но ситуация в Перми не менялась, и он помчался на железнодорожный вокзал, где все подходящие поезда уже ушли, и впереди был чудовищно большой перерыв, беспощадный – до самого вечера…

Он позвонил Гале в роддом, а она из телефонной будки, не пускаясь в долгие объяснения, решительно сказала, что всех выписали и ждать не собирается. В ее голосе был будто взгляд в сторону, но своим неусыпным взором через разделяющее людей пространство она смотрела не на мужа. Галя делала стены прозрачными, чтобы видеть дочь присущим лишь матерям зрением. Анатолий не стал спорить. Что в голове у едва родившей, да еще в таких обстоятельствах, женщины – сложно вообразить. Но, что греха таить, обиделся. Интересно, пройдет ли обида, пока доберется, примирится ли разум с сердцем и с каким чувством он явится на порог? И как же получилось, что Катя так рано родилась? Все ли с ней хорошо?

* * *

Пожалуй, то, что мой папа не успел на выписку из роддома – самый драматичный момент в истории нашей семьи. Могу себе представить его досаду и боль. Мне самой до сих пор за папу обидно. Когда я представляю всю ту самолетную западню, мне вместе с ним горько, хочется вернуться туда, изменить хоть что-то, чтобы он успел, чтобы у него не было даже в самом крохотном уголке сердца этой неутоленной тоски, этой, в контексте всей жизни, не такой уж большой ранки, которая до сих пор нет-нет да вспомнится и саднит. В семейном архиве есть той ране свидетельство. Поняв, что не успевает, папа отправил маме телеграмму: «Галинка, родная! Прости, что нет рядом тобой, спасибо дочку! Крепко целую. Люблю вас, Толя».

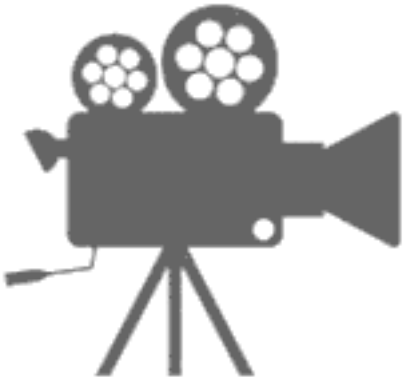
Так сложилось. Когда папа наконец-таки добрался до Перми и уже подошел к двери маминой квартиры, он был все еще окутан дымкой досады и грусти. Не так… Не так он хотел! И эта пелена, будто легкое полотно шелка, невесомое, белесое, почти прозрачное, занавесив дверной проем, немного придержала шаг через порог, но только ненадолго. Мама улыбнулась и сказала: «Ну иди же, смотри».

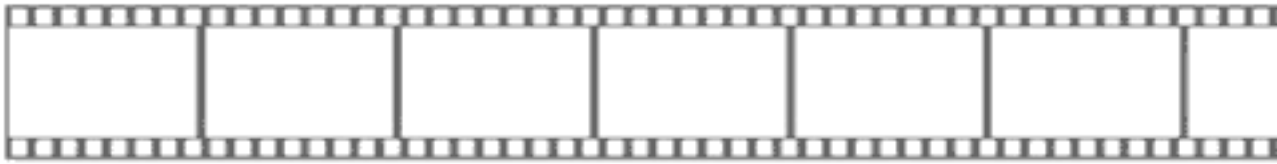
Никто не ожидал моего рождения именно в Перми, поэтому кроватки не было. На пол спустили антресоль от стенки «Хельга», застелили и сдвинули в угол. Там я сверточком и лежала, когда меня впервые увидел папа. Пришел, увидел, полюбил.

На следующий день оказалось, что никто, кроме него, не может меня мыть. Мама боялась: на вид я была хрупкая, как красненькая тропическая лягушонка. А папа и любил, и мыл без страха. Объясняет, смеясь, что был молодым смелым дураком: «Шо там мыть? Несколько квадратных сантиметров, на руку положил да помыл». Я родилась 45 см, 2,9 г. Врач сказала, что, если бы мама доносила положенный месяц, родилась бы у нее богатырша. Так что мой первоначальный вес был не так уж и мал для 8-месячной. Но мама – есть мама. Она огибала собой наш помывочный дуэт, просачиваясь тревожным вниманием в каждую щель между моим телом и папиными руками, одним взглядом уплотняя в этих промежутках воздух, контролируя скольжение детского мыла и поддерживая шею, которую и так, конечно же, надежно держали. Папа говорит, что она была похожа на пантеру рядом со своим детенышем.

Любовь между ними, любовь ко мне и заботы счастливого родительства, конечно же, вытеснили ту обиду. Никто не был виноват. Очень важно все вовремя проговаривать, рассказывать подробно о своих чувствах и мотивах и с помощью этого 100 раз убедиться в том, что вы друг друга услышали, и если нужно будет, повторять разговор еще и еще. Не должно быть у двоих недомолвок: они с годами превращаются в прокисшую правду. Будто смотришь на бутылку с просроченным молоком – выпил бы, а уже нельзя. Представляешь, как бы ты ее пил – вкусно, аж усы над губой белые. А время-то упущено.

Эпизод 2
Начало начал





Идут по парку две Гали – обладательницы курсовки в Сочи, волею судеб соседки по съемной курсовочной квартире, направляются на пляж. Обе прилетели в город вчера. Разместились, в квартире и познакомились. Наутро решили погулять и позагорать. Единственное «клевое» место, которое знала одна из Галь – не Карповская, – был парк «Ривьера» и одноименный пляж. Туда она и повела другую, Карповскую. Они шли к морю, а навстречу нарядные дети – в школу. На дворе было 1 сентября. Кому портфели, а кому – купальники.

Главная в этой истории Галя – будущая мама девочки Кати – в этот день надела легкий зеленый сарафан с разноцветными мелкими цветочками пастельных тонов, что очень шло к ее глазам. А на ногах были бледно-зеленые босоножки на каблучке. Мужчины сворачивали головы, с ней это происходило всегда и везде. И под аккомпанемент этих восхищенных взглядов и перехваченных дыханий легкой походкой под ручку с новой подружкой Галя приблизилась к лестнице, ведущей на пляж.

За спиной очень тяжелый, болезненный развод, перед глазами – галька и море. Это потом весь пляж усеют всевозможные палатки и рекреационные зоны, а 1 сентября 1984 года пляж «Ривьера» был виден как на ладони. Галя обвела его взглядом слева направо и остановилась на молодом человеке метрах в ста по диагонали. Он сидел, повернувшись в три четверти к ней на шезлонге, почти у самой воды, пристально разглядывая что-то на своей красивой, деликатно мускулистой, с привлекательным рельефом и почти безволосой груди. Как она смогла это прорентгенить с такого расстояния – загадка зрения, которое, раз уж на то судьба, бывает зорче орлиного. Галя сказала подружке – тезке (будем называть ее далее Галкой): «Смотри, какой там парень симпатичный сидит!» Галка ответила: «Ого, ты глазастая!» Галя сняла свои чудные, изящные, достойные феи босоножки, чтоб уберечь эту красивую и непомерно дорогую для нее покупку от камней, взяла их за тоненькие перемычки, и они с подружкой двинулись проверить, алмаз ли Галин глаз.

Чутье Галю не подводило раньше, не подвело сейчас и не подведет потом ни разу за всю жизнь. Вблизи молодой человек оказался столь же хорош, как и издалека. Стало интересно, кем он работает, раз может себе позволить шезлонг за 25 копеек в час… Кинули подстилки рядом. Он явно косил глазом на Галю, но разговор не заводил, не знакомился. Эх! Проходит

5 минут, 10, полчаса – молчит. Стесняется? Вдруг он встал, достал деньги из кармана дорогих джинсов и куда-то ушел. В трусах. Вернулся. Без «подкатного» мороженого. Значит, не за ним ходил. Ладно-ладно.

«Молодой человек, пока вас не было, на ваши джинсы покушались, а я отбила», – взяла дело в свои руки Галя.

«Я очень Вам благодарен. И приглашаю вас покататься на катамаране. Меня зовут Анатолий». Пока он вместе с работником проката выкатывал катамаран к воде, Галя быстро взяла его паспорт из залоговой ячейки и шустро пролистала до графы «Дети». Пусто. Значит, можно! Ура!

Через 4 дня они сняли квартиру на двоих, а еще через неделю он уехал. Она пошла с подружками кататься на тарзанке. Упала и сломала ногу. На танцы больше не ходила. Конкуренцию Анатолию никто не составил. Тоже ура!

* * *

Да… Сколько же всего сошлось в день знакомства моих родителей! Ведь надо же было им друг друга увидеть! Одновременно! Не только мама сразу увидела папу издалека. Он рассказывал, что, сидя почти спиной к той лестнице, тоже вдруг почувствовал, как колыхнулось слева сзади что-то зеленое, как будто затылком увидел, ей-богу. Мама папе сразу понравилась, будучи еще цветным пятнышком на горизонте, размытым и четким в одно и то же время. В ней восхитило все: искристая копна целующихся с ветром и солнцем волос, и ладная фигурка, и зеленое платье, и босоножки ему в тон – на стройных ногах. Когда папа понял, что мама с подругой идет к нему оттуда, сверху, как богиня с Олимпа, он глазам поверить не мог, чуть не задохнулся от волнения. И отчаянно стеснялся заговорить. Говорит, что, если бы она сама этого не сделала, он, скорее всего, так бы и не решился. Любовь не имеет счетчика инициатив! Хорошо, что джинсы были дорогие и что мама нашла, как пошутить.

Все это произошло, благодаря тому, что мои родители до своей встречи кардинально изменили планы. Мама – задолго, папа – за пару дней. Мама собиралась в круиз в мае, но не нашла 250 рублей, слишком это было для нее дорого, и перенесла отпуск на сентябрь, взяла курсовку в Сочи. Так что нехватка денег может быть весьма полезным для судьбы препятствием. А папа сначала приехал по своей шахтерской путевке в санаторий где-то в Краснодарском крае. Ему там не понравилось, через несколько дней он плюнул и уехал в Сочи. Очень важно слушать свои желания! Мама прилетела из Перми 31-го вечером, папа – из Инты ближе к ночи. И оба рано утром пошли на пляж. Спасибо соседке Галке за то, что привела туда маму.

Детям очень интересно хоть в сотый раз слушать, как познакомились родители. И я тоже с замиранием сердца слушаю и каждый раз со странным, безотчетным, бесполезно запоздалым волнением думаю о том, что любой шаг мог изменить траектории их путей. И еще я поэтому прислушиваюсь к себе на любом дорожном перекрестке, на любой развилке и иду домой, например, то через арку сквозь двор, то через улицу вдоль дома. Мне то нужно поспешно запрыгнуть в вагон метро, пока двери не успели закрыться, то медленно идти, даже если опаздываю, и спокойно слушать, как глухо клацают прорезиненные челюсти вагона за вбежавшими в последний момент пассажирами. Я слушаю голос внутри, пытаюсь понять, как хочется мне поступить в этот момент, и иду туда, где легче дышится. Потому что не хочу пройти мимо счастливого варианта судьбы.

Когда я была маленькой, я знала только эту часть истории знакомства – романтичную, радужную, полную счастливых случайностей, по-киношному сказочную. Когда выросла, мне доверились больше. И тогда я поняла, что, пока человек доберется до своего счастья, ему через многое, возможно, придется пройти. И что бы ни происходило, надо заставлять себя вспоми-

нать, что то, что кажется личной трагедией, по прошествии времени может оказаться всего лишь частью пути, шагом навстречу судьбе.

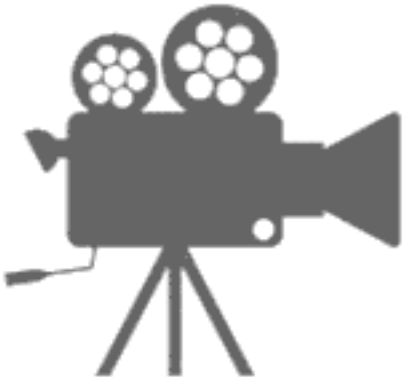
Как я уже упомянула, на момент встречи с моим папой мама год как была разведена. Пережила развод тяжело: с первым мужем они были вместе 13 лет. Целую жизнь! Он был ее первой любовью, познакомились еще в школе.

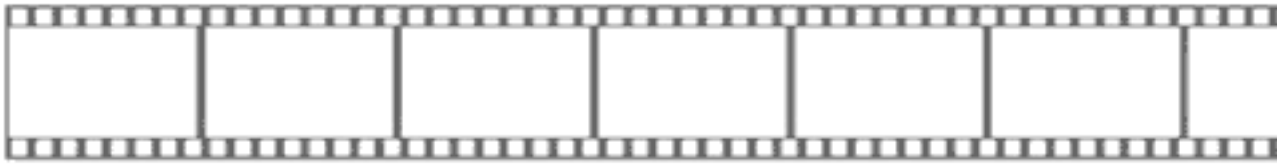
В 16 мама родила мою старшую сестру Лену, и они с возлюбленным поженились и жили долгое время счастливо, были образцовой комсомольской семьей, продолжали учиться, ездили везде втроем с моей сестрой на слеты и соревнования, ходили в походы. У них были и прочие атрибуты крепкого союза. Они любили друг друга столько, сколько им было отмерено, пока жизнь не сделала крутой поворот в темноте, абсолютно нежданный, предательски не указанный на карте. Он ушел к другой. И на несколько лет вовсе исчез не только из маминой жизни, но и из жизни моей сестры. Жить потом было трудно: мама работала на трех работах, они с Леной собирали бутылки и ели порой одни только макароны с сахаром. А моя сестра оставила в прихожей пальто и старые ботинки своего отца, чтобы подружки, которые приходили в гости, думали, что у нее есть папа…

Первый брак моего папы продлился не так долго – 3 года. Женился по молодости, скоропалительно, имея гипертрофированное чувство долга и определенные представления о чести. А когда папа встретил мою маму, его отношения с первой супругой уже изживали себя. Вернувшись в Инту, он в тот же день как на духу объяснился с женой и попросил развода. Моей маме сообщил об этом в письме. Когда она прилетела из Сочи обратно в Пермь, конверт уже ждал ее дома. Мамина сестра, глядя на адрес «Республика Коми, город Инта», сказала: «Тебе тут какой-то чукча письмо прислал».

Невероятно несправедливо и грустно то, что довелось испытать двум моим самым родным женщинам – маме и сестре, и первая жена моего папы наверняка пережила душевную боль. Но ведь если бы этого всего не произошло, меня бы попросту не было!

Эпизод 3
Противопоказания





Галя, вскинувшись в полусне, сидит на тахте, за спиной ковер на стене впитывает яркий, разбавленный морозцем и оттого еще более искристый и диковинный северный солнечный свет из окна. Толи рядом нет, а его половина кровати уже остыла. Он сегодня в раннюю смену. Вместе с ним Галя встала под утро, собрала ему тормозок и попыталась хоть ненадолго уснуть. Вышло наполовину, достигла мастерства полудремы. А Катя посапывает, поджав мозольку посреди верхней губы, натруженную сосанием материнской груди. Катя опять плохо спала ночью. Вернее, плохо спала Галя. И так уже 4 месяца. Дочка будто бы с самого рождения перепутала ночь со днем, и график никак не выправлялся. Ночью она лежала в кроватке, не кричала, не плакала, а только лишь кряхтела, но тревожное материнское чувство все равно Гале спать не позволяло. Днем дочь дрыхла безмятежно, как в утробе, а мать не могла себя заставить прилечь. Золотое правило взаимодействия с грудными детьми: «Пока спит дитя, поспи и ты» – ею должным образом воспринято не было. Ее захватили материнские и женины заботы: стирала, гладила пеленки, содержала квартиру в идеальной чистоте. Ей всегда хотелось порадовать Толю вкусными завтраками, обедами и ужинами, а готовила она великолепно. Ее стараниями за несколько месяцев их совместной жизни Толя сменил 46-й размер одежды на 48-й, а то ведь был на вид совсем юнцом в свои 27 лет. Теперь, обласканный, заматерел.

На работу Галя выходить совсем не спешила. Под заботой мужа она могла полностью погрузиться в материнство. Старшая дочь Лена пока еще была в Перми, потому что не захотела переезжать в Инту. Ни в какую. Отношения с отчимом складывались гладко, и совсем не в них была причина протеста. Лена хотела закончить 9 классов в родном городе. Пожелание высказывалось в ультимативной форме с применением запрещенных приемов психологического воздействия, и Галя с мужем таки пошли у нее на поводу. Правы они были или нет, как сказать? Время покажет. Да и до конца года не так уж много осталось, а за старшей дочкой присмотрит сестра Надя.

Галя была радостно и вдохновленно полностью посвящена своей новой семье. И даже колющее иногда чувство то ли вины, то ли тревоги по отношению к старшей дочери не могло омрачить тех моментов, когда она чувствовала себя любимой и защищенной.

Вот бы Катя еще начала ночами спать. Мечта! не спит, и все, глазками лупает в темноту и кряхтит о чем-то своем. Почему так? Галя вспомнила, как дочка деловито кряхтела на пеленальном столе, с легкостью расправившись с первым в ее жизни вдохом «на суше». «Здравствуйте, товарищи, я прибыла пораньше, очень не терпелось. Что вы говорите? Признаки недоношенности? Так, ну с ними разберемся. Спорим, в кювез даже не положите? Маму мне выдайте побыстрее». Лежала, бухтела, пока акушерка проводила все необходимые манипуляции, и вдруг будто улыбнулась, и на щечках заиграли ямочки. Толины ямочки! Какое счастье! Ну и заставила же поволноваться!

Нежданно-негаданно 27 октября у Гали заболело внизу живота. И в Перми так же неожиданно грянули морозы, а у Лены зимняя одежда еще не готова. И Гале пришлось надставлять на старую Леночкину шубку рукава. «Вот только доделаю и поеду в больницу», – решила она. Торопилась, волновалась, но оставить дочь без теплой одежды не могла. Хотелось дотянуть до утра, чтобы не будить сестру Надю и соседей. Дома не было телефона, а «Скорую» вызвать могли только они.

К 4 утра шубка была готова. И терпеть уже стало невмоготу. «Надя, буди Надю, надо вызвать „Скорую“». Сестра сходила, разбудила соседку – тезку, – приехала скорая, и Галю увезли. Лена узнала об этом только утром, когда проснулась. И пошла в школу с волнительным осознанием будущего сестринства и в шубке, которую украшали новенькие искусно надставленные манжеты.

Галя снова легла в объятия одеяла, откинувшись на подушку, и вспомнила, как она лежала в палате роддома на капельнице, ощущая похожий сладостный покой. Врачам тогда удалось остановить схватки. И зачем только они с Надей пошли на «Босоногого Гэна»?! Надо же было понимать, что для беременной женщины мультфильм о ядерной войне – не лучший выбор. Ох, и наревелась она тогда! Когда вернулись домой, каждой клеточке ее тела было грустно, плохо, а в крови будто плавали микроскопические льдинки, и всех героев ей было бесконечно жаль. А потом заболело внизу живота. Катину земную жизнь запустило искусство кино.

Схватки прекратились, медсестра сняла катетер, и Галя, счастливая от облегчения, пошла к телефонному автомату сообщить сестре, что все хорошо: «Надя, все отлично, все обошлось. Ой, Надя, я пошла рожать». В тот момент внутри как будто дернулась пружинка нежным, но упрямым щелчком. И ногам стало тепло, отошли воды. Врач сказала: «Мамочка, не волнуйтесь. Значит, ребенку так надо! Сердцебиение хорошее. Будем рожать». И ночью через 4 часа Катя уже порадовала свою маму Толиными ямочками. Новорожденную дочку потом студентам показывали, как удивительного недоношенного младенца, очень сильного и жизнелюбивого. Галя с самого начала беременности чувствовала, что у нее необычный ребенок. И такие роды совсем ее не удивили.

Из нежности воспоминаний Галю выдернуло странное ощущение. Она лежала, как обычно, положив одну руку на грудь, касаясь в задумчивости указательным пальцем подбородка, и вдруг поняла, что под ладонью слишком нежно, слишком легко. Ее грудь была ошеломляюще пуста. Галя встревожилась и стала вглядываться в спящее лицо дочери, пытаясь взглядом поторопить ее пробуждение. Будто уловив тревогу матери, Катя зашевелилась, и женщина взяла ее на руки, чтобы маленький ротик уткнулся в пышное тепло в поисках соска и припал к источнику. Но через несколько минут раздался отчаянный плач. Молоко не приходило.

* * *

Даже в наше прогрессивное время сложно бывает понять, почему у женщины пропадает молоко, и не всегда даже при истинном желании кормящей матери удается восстановить лакта-

цию. А тогда это было тем более непросто. Что только мама ни пробовала, но как бы они с врачом ни бились – не удалось, молоко пропало. И меня перевели на смесь. В этом ли был заключен пусковой механизм моей болезни – неясно. Может быть, просто совпадение. Но факт, что вскоре у меня появилась сыпь на щеках, чуть позже на локтевых сгибах, потом она зажглась красными пятнами и под коленями. Родители впали в отчаяние от неизвестности и непонимания причин. Смеси меняли, но диагноз остался неизменным на долгие годы: нейродермит. Впрочем, он и сейчас у меня есть, так как бывших атопиков не бывает. Но, научившись с этим жить и сведя проявления к минимуму, я могу теперь даже шутить на тему диатеза. А в детстве было иногда тяжеловато. Я помню растерзанные бинты на локтях и коленях: из-за ночного зуда сквозь сон я добиралась до кожи под повязками и чесалась с остервенением, не жалея своего тела, до ощущения жара под ногтями и физического удовольствия. Вид кровоточащих расчесов был привычной картиной каждого нового дня. Меня лечили, кожвендиспансер стал регулярной точкой нашего семейного жизненного маршрута. Водили к разным специалистам, пробовали все мыслимое и немыслимое: антигистаминные, ванны с крахмалом или с ромашкой, дегтярную и цинковую мази, разные грязи и воды и даже – о боги – уринотерапию! Стоит перед глазами картина: стеклянный стакан с желтоватым веществом, что мне предстояло выпить, а рядом вафельный стаканчик пломбира, который был призван подсластить пилюлю. Мама меня не заставляла, но я честно попыталась – ужасные ощущения. За сим данный метод оздоровления был нами единодушно отвергнут. Здравый смысл остановил маму вовремя.

В больнице с сильнейшей аллергией я лежала 3 раза. Первый раз в 6 лет. Среди ночи сильно заболел живот над пупком и отяжелели веки. Забрали по «Скорой» и поставили диагноз: отек Квинке. Смутно помню, что со мной происходило в больнице. Воспоминания обрывочные: темнота, после отбоя ругается нянечка; если идешь в туалет, то ты крадешься туда, чувствуя себя преступником, а днем в туалете другие дети, стыдно же делать все необходимое при них, чтобы сдать материалы для анализов; то неприятное чувство, когда медсестра безучастно произносит фамилии; горькие таблетки, от которых тошнит; одиночество. Приободряло то, что больница была прямо напротив нашего дома. Я думала о том, что мама выйдет на балкон и сразу увидит ее из окна. Второй отек Квинке случился ближе к старшим классам. Во время гастролей со школьным франкофонным театром у меня разразилась очень сильная аллергия, я каким-то образом дотерпела до возвращения в Пермь, но с поезда мы направились прямиком в аллергоцентр. Ребята провожали меня сочувственными взглядами. И аналогичная ситуация случилась во время круиза по Волге с театром-студией «Код». Наша каюта была в трюме. Наутро я проснулась с отекшими глазами, скорее всего, среагировала на корабельную пыль. И каждый новый день мне становилось все хуже и хуже. На стоянке в Казани меня отвели в отделение «Скорой», где поставили укол дипроспана. По настоянию врача на теплоходе мне выделили каюту стерильного медицинского изолятора. Стало лучше. Помню, как я спускалась со своего этажа в столовую и мне встретилась одна из педагогов другого театрального коллектива, которая сказала: «Вот теперь ты, Катя, настоящая». А я еще не вполне оправилась, была подавлена, грустила, и как это часто бывало в подобные периоды, хотелось снять с себя кожу и промыть ее ключевой водой, прежде чем надеть обратно. Хотелось спать и не хотелось натыкаться на свое отражение в случайных зеркалах. Я переживала не из-за красоты, а из-за того, что видно мое нездоровье. Слова едва знакомой мне женщины меня возмутили и вызвали внутри душный протест. Во-первых, я не могла взять в толк, как может человек во время болезни быть настоящим. Во-вторых, задело то, что, видимо, ей не нравился мой характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.